

Бабушкины шаньги

Очерк

В детстве меня на всё лето отправляли к бабушке с дедушкой в маленький уральский городок, похожий скорее на деревню. Ехали мы туда с мамой по железной дороге почти двое суток с двумя пересадками. Лет до десяти это было моим единственным дальним путешествием. Сначала гул и металлический запах вокзала, потом стук колёс, мелькающие картинки за окном и чай в гранёных стаканах с подстаканниками – всё это будоражило детское воображение и не давало усидеть на месте.

В Свердловске нас встречал дедушка, мамин папа. Он подхватывал меня сильными руками с подножки вагона, высоко поднимал, проверяя, намного ли я выросла за зиму. Потом обнимался с мамой. Дедушка обязательно встречал меня с подарком. Почему-то особенно запомнился один – голубые туфельки с ремешками на пуговках. Я пятилетняя самой себе казалась в них очень нарядной.

После торопливого обмена новостями мы с дедом садились на пригородный поезд, а мама оставалась на перроне и долго махала нам рукой. Меня не огорчала предстоящая долгая разлука с родителями. Душа была полна нетерпеливой радостью от скорой встречи с «бабинькой», как называли ребяташки в этих краях своих бабуль.

За Нижним Тагилом вагон постепенно наполнялся людьми, разговаривающими с совершенно особенной интонацией. Казалось, их быстрый говорок состоял из одних вопросов, вовсе не требующих ответов. И в нём так много встречалось словечек, которых я нигде больше не слышала: «пошто» вместо почему, «баская» в смысле красивая, «робить», «блзнится», «пужаться». Это приводило меня в восторг, и я начинала «гугорить» подобным образом на второй же день по приезду. А моя мама, выросшая здесь, но выучившаяся на учительницу в большом городе, приезжая за мной в конце лета, приходила в ужас от приобретённых дочерью местных языковых навыков.

От вокзала мы с дедушкой шли пешком. В одной руке он нёс чемодан, а другой крепко

сжимал мою ладошку. Но как только мы выходили на знакомую улицу, ноги сами несли меня вприпрыжку с горки вниз по пыльной дороге, по деревянному мостку через речку и снова в горку, по зелёной травке, к бабушкиному дому. А она уже ждала, сидя на завалинке под окошком, улыбалась доброй улыбкой и принимала меня в мягкие объятия. У ног её, приветливо лая и виляя хвостом, крутился мохнатый чёрно-белый пёс Трезор.

Я с разбегу окуналась в деревенскую жизнь, наполненную простыми радостями.

Бабушка с дедушкой жили в большом, по тем временам, деревянном доме на шесть окон. И он, как живое существо, ждал моего приезда, бережно сохраняя с прошлого лета все таинственные закутки и местечки, как будто специально созданные для ребячьих игр. Крытый просторный двор, застеленный досками, по которым можно бегать босиком, встречал привычным запахом свеженаколотых и уложенных дедом в высокую поленницу дров и вздохами коровы, доносящимися из хлева. Тут же в непогоду бежали и курочки с цыплятами. Кормить их зерном, следить, чтобы в поилках всегда была водичка, и вовремя подметать двор веником – было моей работой-забавой на всё лето.

На завалинке вдоль стены дома выстроились в ряд большие вёдра с колодезной водой, и среди них – два маленьких ведёрочка, пока пустых. Над ними, на отдельном крючке, поодаль от больших коромысел, висело расписное маленькое. Вот и второй подарок-сюрприз! Теперь я тоже буду ходить по воду к колодцу, как бабушка, как мои дешёвые подружки!

Со двора в дом вело крыльцо с широкими крашеными ступенями и двумя скамейками-завалинками по обеим сторонам – самое удобное место для игры в куклы. Таинственную темноту прохлады просторных сенок, где стоял ларь с мукой и хранились дедушкины инструменты, от приветливого тепла и света избы отделяла тяжёлая дверь с высоким и широким порогом.

Главной в передней части дома была русская печь. Вдоль её большого тёплого бока располагалась деревянная кушетка-лежанка. На ней бабушка, у которой часто болели ноги, отдыхала днём. За печкой, укрытый занавеской-задержушкой, прятался жестяной рукомойник. На полатах всегда лежало одеяло с подушкой, но залезать туда летом не хотелось. А большое жерло печи, закрытое металлической заслонкой, выходило на маленькое пространство, именуемое печным углом или кухней. Здесь помещались всего лишь прилавок, лавка у стены да деревянная навесная полка для посуды, прикрытая вышитой занавеской.

За занавеской, кроме тарелок, в углолке стояли иконки, портреты Боженьки, как я их называла. Бабушка не афишировала свою веру в Бога, так как её единственная дочь, моя мама, преподавала историю и атеизм в школе, а зять, мой папа, состоял в Коммунистической партии.

В кухонном полу, между печью, столом и лавкой, под домотканым половичком, скрывался вход в подпол. Лазила я туда с превеликим удовольствием и любопытством. Широкие, как везде в доме, ступени вели в чистое просторное помещение. Тут на полках, прикреплённых дедушкой к стенам, выстроились банки магазинных и домашних консервов, глиняные кринки с молоком, сметаной и топлёным маслом, обвязанные поверх крышек чистыми тряпичами. В углу стояла деревянная кадка с хрустящими укропными солёными огурцами, а рядом – кадушечка поменьше, где ещё с прошлого года под гнётом хранились белые крепкие грузди. Бабушка обычно ставила голубую крашеную табуретку возле открытого подпола и, посмеиваясь, руководила мной и подсказывала, где и что искать, пока я изучала все его закоулки.

Печь служила бабушке верой и правдой и наполняла дом разными ароматами. Кроме запаха готовящейся пищи, в зависимости от сезона, в избе стоял дух сушёных грибов и лесных ягод или томящихся кедровых шишек. Нынешним хозяйкам, владельцам навороченных духовок с градусниками, таймерами, различными режимами и конвекцией воздуха, не понять, как можно приготовить наваристые щи, ароматное жаркое, пышные пироги и даже испечь капризные безе в русской печи, растапливаемой дровами.

У бабушки моей никогда ничего не подгорало, и всё получалось необыкновенно вкусным. Сегодня, встречая в супермаркетах сдобные изделия под названием «французские вафли», я с ностальгией вспоминаю вафли моей бабиньки. По форме продукт современной кулинарии тот же, но, по сути, не имеет ничего общего с пышным, мягким лакомством, которое она готовила в чугунной форме с длинными ручками в жаркой печи. Я брала ещё горячую вафлю, наливала в квадратные вмятинки сгущёнку и с наслаждением откусывала. Сладкие капли стекали по подбородку, склеивали пальцы, капали на платье.

На каждый день бабушка готовила еду самую простую. Но никогда и нигде позже я не ела такого

ароматного куриного супа с золотистым бульоном, как у бабиньки. И её паровые котлетки хотелось проглотить со сковородкой вместе. Даже отварная картошка казалась необыкновенно вкусной – погребная, рассыпчатая, с топлёным маслом и укропом, с горбушкой ещё тёплого, только что испечённого хлеба и кружкой холодного молока.

Примерно раз в неделю бабушка устраивала день большой стряпни и ещё затемно ставила тесто в большой глиняной конусообразной посудине под названием «квашонка». Когда я просыпалась, оно, прикрытое чистым полотенцем, уже вовсю дышало и пытело, как живое. Я знала, что к вечеру прилавок, лавка, круглый стол в горнице будут заняты хлебными караваемыми и пирогами, маковыми витушками и шаньгами творожными и картофельными. На ночь в остывающую печь бабушка ставила большие листы с маленькими беленькими комочками взбитых с сахаром яичных белков. К утру, они превращались в нежнейшие безешки с задорными хохолками и слегка влажной сердцевинкой.

Меня всегда удивляло количество бабушкиной стряпни.

– Бабинька, зачем так много? – интересовалась я.

– Не умею по-другому, внучка. Рука так поставлена. Да лишним ничего не будет. Соседки зайдут почаёвничать, к тебе подружки прибегут, вот всё и придумается к столу.

И правда, у бабушки ничего не засыхало и не пропадало. А стряпня её славилась по всей улице, где, к слову сказать, в каждом втором доме жил какой-нибудь родственник, или сродник, как здесь называли, не вдаваясь в степень родства. Даже через много лет, когда дедушка ушёл из этой жизни и бабушка осталась одна, она не изменила своей привычке: если стряпать, то стряпать много.

Мама моя, сделавшись городской жительницей и живя вдали от родительского дома, более всего скучала по бабушкиным (для неё – маминим) шаньгам. Это такие открытые уральские пироги, совсем не похожие на стряпню, именуемую вагрусками, в виде сдобной булочки с толстыми краями и шлепком начинки посередине.

У уральской шаньги края тоненькие, нежные, начинки в неё положено много. Творог для творожной шаньги бабушка варила сама, добавляла в него только яйца, а сверху щедро смазывала жирной сметаной, снятой с молока от своей коровы. Из печи такая шаньга доставалась покрытая коричневыми плёночками. Только тогда пытящую её поверхность бабушка густо посыпала сахарным песком, который таял на глазах и впитывался творожным нутром.

Мама моя отдавала предпочтение шаньгам с картофельной начинкой, в приготовлении которых тоже имелись свои тонкости. В толчёную картошку бабуля добавляла яйца, соль и топлёное масло, а сверху опять смазывала сметаной. Шаньги она лепила размером с большую тарелку, взять такие в руки было невозможно, и потому их и ели, держа на тарелке и откусывая свободный край.

Я давно сама стала бабушкой, у меня трое внуков. И всегда, когда завожу тесто, я вспоминаю бабиньку. А если я хочу порадовать семью и друзей настоящей шаньгой, то иду на рынок и покупаю молочные продукты нужного качества у жителей Башкирии, понимающих в этом толк.

Летом мой дом наполняется детскими голосами и дрожит от топота ног подрастающих внуков.

Деушка-семиделушка

Очерк

Стучат, постукивают колёса вагона. Я лежу на верхней полке и смотрю, как проносятся за окном картинки. Сверху мне всё видно лучше. Вон корова с телёнком на полянке пасутся. А вон мальчишка на велосипеде крутит педали. Видно, что торопится, наверно, наш поезд догнать хочет. Всё, отстал, зато домики показались. На бабушкин похожи. Не успела рассмотреть. А теперь – деревья. Большие. Высокие. Как их много! Дрему-чий лес! Как близко, совсем рядом. Мелькают так быстро-быстро! Глаза устали!

Я отворачиваюсь от окна и, глядя в потолок вагона, мечтаю о скорой встрече с бабинькой и своими подружками-сёстрами. Я представляю себе, как все непременно будут радоваться моему приезду и удивляться тому, какая я стала взрослая. Конечно, я ведь не детсадовка, как позапрошлым летом, я первый класс закончила, и не как-нибудь, а на одни пятёрки! Не зря ведь дед разрешил мне ехать на верхней полке; даром, что это пригородный поезд, и все другие пассажиры сидят на нижних. И мама, прощаясь со мной на перроне большого свердловского вокзала, поцеловала меня и велела присматривать в дороге за дедушкой. Я и присматриваю, иногда свешивая голову с полки вниз и прислушиваясь к его разговору с пассажирами нашего купе, такими же окаящими и шшокающими, как он и все вокруг.

Какие живые и яркие детские воспоминания! Как будто это было вчера – я опять на всё лето ехала к бабиньке Мане, доброй, хлебосольной и весёлой. А она ждала меня, свою единственную внучку, в уютном доме с шестью окошками в резных наличниках.

Забот в деревенском хозяйстве всегда хватало: содержать дом в чистоте, поддерживать порядок во дворе, обихаживать скотину. Дедушка ещё работал на заводе, поэтому от него пахло железками и машинным маслом.

День у них с бабушкой начинался рано. Спросонья я слышала петушиную разноголосицу, хлопанье дверей, скрип ворот. Потом раздавалось мычанье коров, цокот лошадиных копыт и щёлканье пастушьего кнута. Они постепенно затихали, удаляясь. Наступала тишина. Снова наваливалась дремота. Но скоро по избе разливались вкусные ароматы, и бабушкин ласковый голос

Я стряпаю пирожки по собственному фирменному рецепту и, конечно, бабушкины шаньги. Гляжу, как исчезают они со сказочной быстротой, поедаемые нашими и соседскими детьми, и думаю: «Какой замечательный способ сказать о своей любви к дорогим тебе людям – вкусно накормить их!»

Этим искусством в совершенстве владела моя бабинька.

будил меня. Я ещё несколько минут лежала на мягкой перине, наблюдая, как кошка играет с упавшим клубком, а солнце сквозь задрнутые шторы рисует на полу кружевной узор.

Мне очень нравилось убранство бабушкиного дома. Узорчатые подзоры украшали торжественную кровать с высокой пирамидой подушек, укрывшейся белоснежной кружевной накидушкой. В дверных проёмах висели длинные полотняные шторы, а на окнах – коротенькие задергушки. Вышитая скатерть покрывала круглый стол в большой комнате, а такие же нарядные салфетки – комод и нижнюю часть резного буфета. Всё было сделано бабушкиными руками.

Я до сих пор берегу одну скатерть из выбеленного льна, расшитую яркими узорами гладью, одинаково нарядную с лицевой и изнаночной стороны. Кроме неё, в семье трепетно хранится ещё одна реликвия, сочинённая бабушкой к моему рождению, – уголок для младенца из тончайшего батиста, украшенный по всем четырём сторонам и в центре филигранной вышивкой ришелье. В него наряжали новорождённых уже трёх поколений нашего рода.

Моя бабушка умела всё. В углу спальной части дома примостилась расписная, с ножным приводом швейная машинка – «Зингер», в сенках стоял станок с челноком, на котором бабушка при необходимости ткала грубоватые, но такие нарядные половики, а за печкой притаилась прялка. Я любила наблюдать, как из-под бабинькиных толстых пальцев выползает тоненькая нить и сама наматывается на пляшущее веретено.

Бабинька, когда у неё случалось нездоровье и больные ноги не давали ей хлопотать по дому, пристраивалась с каким-нибудь задельем на жёсткой кушетке-лежанке у печи. А я, если не убегала на улицу с подружками, мостилась рядом, с любопытством глядя, как ловки в работе бабушкины руки в синих полосках вен.

Мне хотелось быть такой же умелой, и бабушка всегда разрешала пробовать силы в занятиях, мне не знакомых. Она учила меня месить тесто, орудовать скалкой, рубить капусту сечкой в деревянном корытце, подсказывала, что мыть полы лучше вдоль половиц, а не поперёк, показывала, как правильно выкручивать мокрую тряпку. Под бабушкиным присмотром я, маленькая, шила куклам наряды, вышивала салфетки и вафельные полотенца. В семь лет знала, что такое стебельча-

тый шов, простой и болгарский крест, умела «обметать» срезы и «закозлить» край.

В то лето бабинька, узнав, что зимой я самостоятельно научилась делать спицами простые петли, подарила мне первый детский альбом по вязанию и научила вязать носки и варежки.

В доме повсюду валялись мои незаконченные рукоделья. Обладая нетерпеливым характером и неуёмным любопытством, я обыкновенно бросала начатое на полдороги, потому как всегда находилось что-то ещё более интересное для маленькой девочки. Поэтому бабушка придумала для меня прозвище – «деушка-семидеушка».

Любопытно, что моя мама, бабушкина дочка, за всю жизнь не держала спиц в руках и не умела вышивать. Я же с удовольствием впитывала все умения, какими бабинька щедро делилась со мной. Она даже умудрилась научить меня, пятилетнюю, бить чечётку тогда, когда сама этого делать уже не могла из-за болезни ног, и отбивала нужные ритмы ладонями по столешнице.

Конечно, у меня не всегда всё получалось. Мне так и не покорилась прялка с веретеном. А сколько раз я возвращалась от колодца в мокрых сандаликах и с пустыми вёдрами. Это ведь очень непросто – идти с коромыслом на плечах так, чтобы вода, налитая до краёв, не колыхалась и не выплёскивалась на траву. Живя в городской квартире, я просто открывала кран при надобности, но у бабушки мне хотелось быть такой ловкой, как требовала деревенская жизнь. И если моя бабинька и подружки лёгкими павами плыли к дому с полными вёдрами, то и я этому научилась.

Вот чего не умела делать, так это бегать по земле босиком. Нежные пятки городской девочки приятно щекотала зелёная травка. Но как только нога ступала на каменистую тропку, все песчинки и галечки впивались в подошву грубыми гвоздиками, и я бежала обуваться в сандали.

Позади дома начинался большой огород, где каждое лето выделялась пара грядок для меня. Дедушка подарил мне детский набор огородных инструментов. И я с воодушевлением поливала своё маленькое хозяйство, выдёргивала сорную травку и ждала, когда потолстеют морковные хвостики или надуются круглыми семенами стручки сладкого гороха. Это занятие казалось гораздо увлекательней, чем строительство песочных куличиков в родном городе.

Очень весёло было и приглядывать за цыплятами, когда их начинали выносить на полянку перед домом. Жёлтые пушистые комочки бестолково сталкивались, роняя друг друга, и тоненько пищали. А я зорко следила, чтобы никто не потерялся, проявляя, наверно, большую озабоченность, чем их мама-курица. Цыплята росли на глазах. Уже через две недели у них вырастали пёрышки на хвостах и крыльях, а молодые петушки начинали устраивать первые бои.

Меня радовало, что у бабушки водились только куры, и не было гусей, которых я боялась. Гусей разводила двоюродная тётка Валентина, чей дом стоял через дорогу напротив. Когда я направля-

лась в гости к её дочкам, то внимательно осматривала улицу – далеко ли гусиный выводок. Оценив расстояние до воинственных птиц, я стремглав неслась к дому сродников, а гуси, вытянув шеи, с шипением гнались следом, пока калитка не захлопывалась перед их клювами.

С удовольствием я участвовала с бабинькой в хозяйственных хлопотах. Одним из таких полезных развлечений был поход с выстиранным бельём на городской пруд. Лет с восьми мы с бабинькой ходили вдвоём, и она учила меня полоскать бельё и отбивать его деревянным вальком. Бабушка управлялась с большими вещами, а мне поручала салфетки и полотенца. Я старалась изо всех сил, размахивая маленьким вальком, специально выструганным для меня дедушкой.

С двенадцати лет я уже самостоятельно справлялась с этой работой. Сговорившись с кем-нибудь из своих сестёр, мы выезжали каждая со своего двора, толкая перед собой одноколёсные тачки с большими корзинами, наполненными выстиранным бельём, пахнущим хозяйственным мылом. Наперегонки бежали мы с неповоротливым грузом в проулок, пересекали три улицы и выруливали прямёхонько к пруду. На деревянных мостках, выбеленных мылом, водой и солнцем, обязательно уже кто-то был.

Тачки мы оставляли на берегу. Тут же и разува-лись. На чистые доски выходили босиком, и, помогая друг другу, выносили сюда же тяжёлые корзины. А потом под брызги, смех и девчачьи разговоры закипала работа до ломоты в плечах. Простыни и пододеяльники полагалось выполоскать в пруду, выбросить на доски, отбить вальком, потом снова выполоскать и повторить так многократно, пока чистое бельё не станет скрипеть под пальцами и источать непередаваемый запах свежести. Только тогда его разрешалось отжать и уложить в корзину. Обратное мы шли не спеша, продолжая нескончаемую девчоночью беседу.

Я гордилась своими умениями, но порой детским хвастовством ставила бабиньку в неловкое положение. Так однажды (мне было одиннадцать) мама отдала нам с бабушкой свой трикотажный жакет на растерзание. В те времена вещи часто перешивали. С жакетом мама решила расстаться то ли потому, что он подсел от стирки, то ли она сама поправилась, то ли наряд просто надоел. А я подросла и нуждалась в обновке.

Не решившись разрезать хорошую вещь, бабинька обратилась к портнихе, обшивавшей пол-улицы. Зинаида пришла важная, покрутила жакет и отодвинула, решительно заявив, что шкурка выделки не стоит – крой сложный, ничего путного не получится.

Бабинька, по обыкновению, пригласила гостью к столу и принялась угощать её чаем с хворостом в виде розочек. Я же тихонько скомкала забракованную одежду, выскочила за ворота и припустила бегом любимой старшей сестрёнке Людмиле.

Тринадцатилетняя Люда, подобно мне, не видела препятствий в исполнении любой нашей

фантазии. Она надела на меня жакет, вооружилась ножницами и иглой с ниткой и с воодушевлением принялась за работу. Я стойко терпела неудобства долгого стояния в виде манекена и ойкала, когда иголка прокалывала не только ткань. При этом я ещё периодически бегала к зеркалу и указывала, где и что не так.

Собрав на мне обновку, Люда громко застрочила на швейной машинке. А я нетерпеливо подпрыгивала рядом и подгоняла:

– Скорей! Ну, скорей! Нужно успеть, пока Зинаида не ушла!

– Успеем! Она по три часа чай гоняет, – успокаивала меня сестра.

Когда я влетела в избу в новом ярко-зелёном жакете, портниха, не спеша, пила пятую чашку чая и рассказывала о том, какие наряды кому пошила.

– Вот, смотрите! – восторженно завопила я, – видите, как красиво! А вы говорили, что ничего не получится! Это мы с Людой сделали!

Зинаида поперхнулась чаем. Бабинька засуетилась возле стола, пряча улыбку. А я, покрутившись перед оторопевшей швейей, также стремительно вылетела за порог, торопясь поделиться с сестрой полученными впечатлениями. Бабушка так и не сделала мне выговор за неучтивое поведение перед гостей. Наверно, ей просто понравилась наша с Людой работа. По семейным фотографиям да старинному сундуку я знала, что она и сама когда-то была франтихой.

Большой кованный сундук стоял в передней избе, слева от входной двери. Лет до десяти я спокойно могла вытянуться на нём во весь рост. В сундуке хранились сокровища. Сверху лежали отрезы,

подаренные моей мамой по какому-либо случаю. Но самое интересное пряталось на дне: плюшевая кацавейка, отороченная узкой полоской каракуля, каракулевая же шляпка с чёрной вуалькой в мушках, бархатная муфта, расшитая бисером, какие-то кружева, перчатки, пуговицы в круглой металлической коробке и ещё много чего любопытного. Бабинька осторожно доставала каждый предмет, встряхивала, разглаживала. От содержимого сундука пахло нафталином. Я каждый раз рассматривала старые узоры, трогала пальчиками бусы и петельки и всё старалась примерить. Потом вещи складывались в том же порядке и скрывались под крышккой с медными уголками до следующего раза.

По вечерам семья собиралась за общим столом. Длинное чаепитие с разговорами переходило в игру в лото или в карты, в «дурачка». Этому меня тоже научила бабушка. И она так ловко управлялась с картами, что я частенько оставалась не просто дурачком, а «дурачком в погонах», так как моя бабинька со смехом пристраивала мне на плечи две простые шестёрки. Но это не казалось обидным.

Сделавшись взрослой, я не перестала быть «деушкой-семидеушкой», в том смысле, что умею делать два-три дела сразу. В квартире всегда имеется несколько начатых рукоделий. Правда, теперь я всё доделываю до конца. Работая врачом, я никогда не теряла интереса к ручному труду. С мужем мы вырастили образованных и «рукастых» детей. Внуки активно влезают во все мои хозяйственные хлопоты, соревнуясь друг с другом в быстроте и умении. А я не устаю благодарить за это мою бабиньку.

Дедушка

Очерк

Листаю старый семейный альбом, рассматриваю снимки. Какие они красивые – мои бабушка и дедушки! Дедушек было два, но я знала одного. Первый, родной, умер молодым, даже моя мама его не помнила. А второй, неродной, но самый родненький и любимый, вместе с бабинькой встречал меня каждое лето.

Дединька, дюдя Андрей! Он и на дедушку-то не похож. Статный, крепкий, в ватнике и кирзовых сапогах. Он работал на бывшем демидовском заводе. Кажется, даже запах железа и машинного масла чувствую. Как я его ревновала ко всем уличным ребятишкам! Бабиньку не ревновала, а его... Ногами топала, на улицу выскакивала и разгоняла соседских мальчишек, когда они под окном хором выкрикивали его:

– Дюдя Андрей!

Бабинька уводила меня, орущую.

– Хватит ужо, оглашенная! – уговаривала она.

– Какой он им дюдя! – не унималась я. – Он мой!

– Да шас он только покажет, как дудочки из камышинок делать, и придёт.

Став старше, я пыталась понять, откуда взялась эта детская ревность? Может быть, она родилась потому, что бабушку бабинькой, кроме меня,

никто не называл, а дедушку дюдей Андреем звали другие ребятишки? Как бы то ни было, я относилась ревностно к деду все годы общения с ним. Их было немного – десять.

Но однажды я обидела дедушку. Раз в год с ним приключалась неприятность – дед уходил в запой. Он выпадал из жизни на неделю-другую, а потом опять капли в рот не брал. В такой вот день дедушка сидел на одной из скамеек-завалинок у крыльца. Видимо, дойти до избы сил у деда Андрея не хватило.

Я окликнула его раз, другой, потормошила – ответа не получила. Дед сидел, устремив неживой взгляд в никуда. Рассердившись, я запустила обе свои маленькие ручки в его густую шевелюру и потянула на себя. Дед свалился со скамьи мне под ноги.

На шум выбежала бабинька. Она вмиг поняла, что случилось. И мне попало. Оказывается, дед спал с открытыми глазами. Он продолжал спать и на полу. А мне от упрёков бабиньки стало очень стыдно, тем более что за два дня до этого дед наказал из-за меня любимого пса.

С чёрно-белым Трезором я дружила. Большой и кудлатый, он бегал со мной наперегонки, ловил

мячик, позволяло гладить себя по лохматым бокам. Но всё это происходило на улице, когда домашний сторож спулся с привязи.

В тот раз я вынесла ему еду, положила угощение в миску и, присев на корточки, принялась наглаживать пса, хотя тот занялся трапезой. Проявляя таким образом своё расположение Трезору, я совершенно не ожидала нападения. Мохнатый друг вдруг коротко рыкнул и цапнул меня за руку.

На мой пронзительный визг дедушка с бабушкой выбежали из хаты. Бабинька подхватила меня, вопящую, и в испуге стала ощупывать и обглядывать. На коже предплечья остались вмятины от собачьих зубов, но не обнаружилось ни одной царапины.

– Анюта! Пошто не отошла от него? Ты бы ишло в пасть к нему залезла! – увещевала меня бабинька.

– Да! Я думала, он меня любит! – рыдала я.

– Любит, любит! Но вишь – на цепи сидит, значит, сторожит. И свою еду защищат. Он только напугать тебя хотел, ранок-то нет.

Скоро слёзы высохли, испуг прошёл. Мне даже стало жалко Трезора. Дедушка ударил его ремнём.

Было в этой уральской глухомани одно чисто мужское занятие, которого ждали с нетерпением все ребятишки. Оно обеспечивало их на всю осень и зиму любимым лакомством. К середине августа, сентябрю наступало время сбора кедровых шишек – шишкойбой. Городок стоял в окружении кедров. Но за шишками мужики со всей улицы уходили далеко в тайгу. С собой брали еду, мешки и колот – большой деревянный молоток для ударов по стволам кедров. Возвращались они к вечеру второго дня. Каждый за плечами нёс полные мешки пахучей добычи.

Мне вспоминается один такой тёплый августовский вечер. Мы с сёстрами и ещё целая ватага соседских ребятишек играли на поляне перед домом моей тётки Валентины. На этой же поляне стоял сруб. Его недели две до того дружно собирали мужики с нашей улицы. Я впервые наблюдала, как складывают дом, совсем так же, как я – свой игрушечный разборный домик из беленьких гладких брёвнышек. Только тут брёвна были настоящие, тяжёлые и толстые. Мне казалось, что дедушка лучше других знает, как их нужно прилаживать. Он вместе со всеми строил дом, ловко орудуя топором.

Теперь этот сруб без крыши, с прорезями для окон стоял посреди поляны. Между нижними брёвнами и травой имелся зазор, через который ребятня поменьше пролазила внутрь. Старшие штурмовали оконные проёмы. Дед объяснил мне, что дом не останется здесь, а встанет в ряд с другими, когда для него подготовят фундамент. Тогда его сначала разберут, а потом снова соберут на нужном месте.

Пока же он служил нам и местом для игр, и своеобразной крепостью. Мы прятались в нём, когда возвращалось с выпаса стадо. Каждый знал и не боялся свою корову. Но когда большая рогатая

масса, вздымая пыль, с громким мычанием выпозала из-за пригорка на нашу улицу, это вызвало у детворы уважительный страх. Мы залезали в сруб и с осторожным любопытством выглядывали из оконных проёмов, чувствуя себя в безопасности.

Животные толкались, торопясь каждое к своим воротам. То и дело которая-нибудь взбрыкивала и хвостом хлестала себя по бокам, спасаясь от паутов. Здоровенный бык, вызывавший в нас особенный ужас, создавал дополнительное столпотворение в стаде. Низкое многоголосое мычание прерывалось короткими, как выстрелы, хлопками пастушьего кнута. Генералом возвышался над этой волнуемой толпой пастух, ехавший верхом. Хриплому лаю его собаки вторили дворовые сторожа.

Стадо таяло на глазах, как сугробы рыхлого снега в весеннем потоке. Вместе с рогатыми кормилицами исчезли с улицы и хозяйки, занявшись вечерней дойкой.

Уже заохлодел вечерний воздух и краски дня потеряли яркость, когда в конце улицы показались мужики с тяжёлой поклажей за плечами. Усталые и заветренные их лица в ответ на восторженные детские крики освещались довольными и горделивыми улыбками.

Наша ватага моментально распалась, забыв про игры. Каждый устремился к своему отцу, деду, старшему брату. Я тоже со всех ног бросилась к дяде Андрею, пропахшему лесом, повисла на его шее. Потом гордо шла с ним рядом, держась за крепкую руку и поглядывая на мешки, связанные и перекинутые через дедово плечо.

Однажды, когда мне было девять, я упростила бабиньку отпустить меня с дедом в лес по ягоды.

– Ну, сходи, сходи! Пауты-то вот накусуют! И ежели в лесу што поблазнится – не жалься! – наказала она. И добавила, обратясь к деду, – шибко-то далеко не ходите, тебе ж её на закорках нести, коли устанет.

Радости моей не было предела. Наконец-то я обставлю соседских мальчишек, гонящихся за моим дедом.

Наутро бабинька подняла меня с петухами. Она собрала нам кузовок, положила хлеба, котлеток, варёной картошки, наполнила бутылку клюквенным морсом. Мне велела повязать голову платком, надеть рубашку с длинными рукавами, трико и резиновые сапожки. Я всё стерпела, хоть и возмущалась в душе, что бабушка нарядила меня как кулёму.

Помня бабушкин наказ, а больше боясь, что, если захнычу, дедушка больше не возьмёт меня с собой, я не капризничала и не жаловалась, шагая за ним по болотным кочкам, перебираясь через ручей по скользким камушкам, продираясь сквозь густой кустарник в лесной чаще.

За давностью лет я не помню целиком весь наш поход. В памяти не сохранилось и чего-либо неприятного или страшного, но осталось ощущение защиты и спокойствия от присутствия деда в сумрачном густом лесу среди деревьев-великанов.

По сравнению со светлым и прозрачным лесочком возле нашего города, куда я не раз ходила с отцом, этот показался мне сказочно дремучим. Может, там и были пауты, но запомнилась ярким пятном земляничная поляна, где меня оставил дедушка. Я ползала по траве между душистых ягодок, а он прочёсывал лес в поисках грибов, время от времени подавая мне голос.

Сначала отдельные землянички перекатывались по дну литровой банки. А я срывала ещё одну и ещё, не разрешая себе складывать их в рот. Когда дед вернулся на поляну с корзиной белых грибов, я с гордостью показала ему свою посудину, наполненную доверху. Дедушка развёл костёр. Мы с аппетитом прикончили бабинькины припасы.

Дорога домой показалась короче. Дедушка шагал споро, как по знакомой улице, уверенно зная, когда и куда повернуть. Я старалась не отставать.

Как важничала я, выкладывая перед бабинькой нашу с дедом добычу, как хвасталась тем, что не пищала в походе и ни капельки не устала! Дед хвалил меня за выносливость. Бабушка удивлялась, всплёскивая руками. Охи и ахи начались, когда я стала переодеваться и сняла трико.

– Андрюша! Ты што сробил с робёнком? – запричитала бабинька. – Ты глянь – у неё вся заднюха съедена! Я как родителям её в таком виде верну, они через неделю приежжают!

Я и сама удивилась тому, что открылось под штанами. Все мягкие места ниже плавок оказались сплошь покрыты мелкими укусами, вспухли и были горячими на ощупь. Так я узнала, что такое таёжная мошка. Много лет прошло. Я помню эту живописную картину. Удивляюсь, что память милосердно не сохранила, как зудели и болели укушенные места.

И земляника, собранная собственноручно, показалась особенно сладкой. Бабинька налила в глубокую тарелку холодного молока. Я сама насыпала туда ягод и ела их большой ложкой, прикусывая горбушкой хлеба, испечённого бабушкой накануне. Грибы она, почистив, крупно порезала, пожарила со сметаной и подала кужину с варёной картошкой и укропом. Этакий деревенский жульен!

Этот поход в тайгу так и остался для меня единственным. Не потому, что больше не хотелось. Просто лето кончилось, и родители увезли меня домой.

А через год дедушки не стало.